

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНИКИ ВЛАСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДЕВИАЦИЯХ

Работа представлена кафедрой философии МГТУ «СТАНКИН».

Научный руководитель - доктор философских наук, профессор Н. И. Яблокова

В современном обществе имеется целая сеть самых разнообразных и большей частью латентных техник наблюдения, анализа и управления жизнью человека, осуществляемых благодаря стремлению к тотальной прозрачности контролю над индивидом через потребление и обладание (и наоборот). Потребляются не только товары и услуга, но и культура, статус, соответствующие ей материальные блага, самоотношение, мировоззрение и т. д. Таких моделей великое множество, поэтому человек ни на физическом, ни на психологическом, ни на экономическом уровнях не способен воспроизвести себя во всех существующих коммуникационных практиках. Случайный ситуационный отход от стандартных дискурсов вносит дисгармонию, угрожая деятельности всего механизма. Так, создаются типологии девиантного поведения, которые описывают не людей, а ситуации непроизвольного их выпадения из дискурсивных практик. Именно корректировкой таких ситуаций в дальнейшем и занимается психологический дискурс.

There are various techniques, mostly latent ones, of supervision, analysis and human life management in modern society. All of them are implemented owing to striving for the total transparency control over an individual through consumption and possession (and vice versa). Not only goods and services, but also culture, status, material goods, self-attitude, philosophy etc. are consumed. There are lots of these models, that is why a man is not able to reproduce himself in all existent communicational practices on economic, physical and psychological levels. Accidental situational deviation from standard discourses introduces disharmony, posing a threat to activity of the whole mechanism. Thus, typologies of deviant behavior are created; they describe not people, but situations of their involuntary falling out from discursive practices. That is just the way psychological discourse corrects these situations hereafter.

В наше время имеется целый ряд групп, выпадающих из традиционного дискурса. Воспринимаемые неоднозначно сторонними наблюдателями, представители таких групп маркируются как неадекватные, ненормальные, девиантные и т. д. Плюрализм и эклектика современных коммуникаций предлагают неисчислимый запас описаний и самоописаний. Поэтому случайные ситуационные несоответствия того, каким должен быть человек, и того, каков он есть, вызывают ряд вопросов о причинах такого несовпадения. Это тем более удивительно, потому что человек с самого своего рождения подпадает под определенные языковые игры, реализуемые через техники власти: что правильно, а что - нет, как надо правильно поступать, а как - нет, что носить, что говорить, куда ходить и что ду-

мать. Но для того чтобы воспитать социально полезного индивида, недостаточно просто задать ему ряд жестких векторов развития, а потом пристально наблюдать - не отклонился ли он от заданного маршрута. Искусственно созданную и социально обусловленную личность человека гораздо эффективней формировать и поддерживать не путем запретов, а при помощи советов, увещаний, предложений. В таком случае он будет добровольно и активно развиваться в том направлении, которое будет укреплять имеющуюся «ментальность» (или диспозитив власти). Следовательно, необходим непрерывный поиск новых неявных форм контроля, должны использоваться самые разнообразные способы, которые охватывали бы возможно большую часть социальных дискурсивных практик: науч-

ную и повседневную, материальную и духовную. Одним из способов поиска таких форм являются тщательно разрекламированные как сверхнеобходимые товары и услуги, модели поведения и стили жизни. У большинства людей при слове «власть» возникают ясные и отчетливые представления о том, что это. Она воплощается и отождествляется в атрибутах, людях, организациях, символах. Культурный герой или героиня, например, М. Монро, Барби, Spiderman и другие демонстрируют определенные модели поведения, презентуемые как социально-желательные и разрекламированные как необходимые. Поэтому соответствие таким как бы очень необходимым моделям сводится к потреблению производимых соответствующих символов и знаков. Это «приручение» индивида к обществу является более эффективным, чем немаскируемое давление и контроль. «Власть - это нечто гораздо более сложное, гораздо более плотное и рассеянное, чем какая-либо совокупность законов или какой-то государственный аппарат»¹. Иными словами, не существует единого источника управления, из которого исходят приказы и в который поступает информация по результатам контроля. Недостаточно локализовывать ее в правосудии, армии и милиции. «Государство с его судебными, военными и другими главными органами представляют собой лишь гарантию, несущую опору целой сети властей, идущих по иным каналам, отличным от его главных путей»². К примеру, сейчас с помощью космического спутника каждый заинтересованный может без особых затрат узнать, где конкретно, в какое время и с кем находился тот или иной человек, даже получить фотоснимки в качестве доказательств. Это как бы всевидящее око, от которого скрыться практически невозможно и которое имеет полное право претендовать на место Бога. Только на его месте может оказаться каждый. Менее полную информацию можно получить с помощью сотовых и мобильных телефонов, которые

в наше время есть почти у каждого ребенка, не говоря уже о взрослых. Но и такого способа контроля людьми друг за другом все-таки недостаточно, и он не является основным, так как может только отслеживать, а не исправлять. Ведь для того чтобы власть была действенной и эффективной, необходимо использовать целую сеть механизмов, пронизывающих все сферы жизни и деятельности человека. Плотная паутина таких воздействий идет по тонким каналам, «проникая до самих индивидов, до самих их тел, до их жестов, до каждого человека в его самых обыденных проявлениях»¹. Они, действуя за пределами государственного аппарата, под ним, рядом с ним на намного более широком, обыденном уровне, инвестированы в тела, жесты, способы поведения каждого из нас. Вопросы гигиены, социальный статус, соответствующие ему материальные вещи и культурные ценности взаимосвязаны между собой и в совокупности своей представляют единый комплекс дискурсивных практик, визуализируемый через множество гаджетов, обладая которыми человек демонстрирует себе и окружающим свою связь с обществом. Таким образом, вещи, гаджеты, являясь товаром, объектами потребления, контролируют и корректируют индивида как потребителя и обладателя. Тем самым человек - это проводник импульсов коммуникаций: «... тела суть пронизываемые поверхности и размыкаемые объемы, - своего рода огромный каркас предписаний...»². Мы говорим о так называемой «невидимой» власти, которая проявляет себя через институты знания, здравоохранения, семьи, правосудия и т. д., воплощаясь в знаках, символизирующих эти институты. Именно с помощью их демонстрации осуществляется действительное управление общественным развитием и образом жизни, корректировка поведения и сознания индивида. И именно такие институты составляют паутины, узелки и ячейки власти, поскольку контроль и управление осуществляются благодаря их сложной си-

стеме взаимодействия. Например, институты семьи, школы и медицины взаимодействуют между собой по поводу детей (покупка учебников, родительские собрания) и тем самым становятся взаимозависимыми.

Такие техники контроля и управления могут быть эффективны при одном условии: прозрачности общества (через прозрачность дискурсов), одновременно видимого и читаемого в каждой из его частей; «...прозрачность поразительная, которая пронизывает собой все, рассеивает любые тени, разрушает всякую плотность, выводя вещи и существа на тонкую струящуюся плоскость»⁵. Ведь с устранением (или как бы устранением) темных зон, тайн и социальной стратификации и установлением как доминирующего принципа тотального равенства каждый человек имеет право на «как бы» собственное мнение о каждом, каждый имеет право наблюдать за каждым, контролировать и оценивать его и, как следствие, выносить свой вердикт на соответствие рассматриваемого господствующим моделям. В условиях прозрачности индивид старается не совершать каких-либо коммуникационных оплошностей. Он стремится к тому, чтобы быть максимально адекватным той или иной ситуации, в которой находится (а их великое множество), совершать все возможные действия, соответствующие данной ситуации, и требует того же от других. Благодаря этому для составления мнения о человеке необязательно с ним общаться, достаточно оценить демонстрируемую им модель презентации себя. Но откуда берутся эти представления о том, где, когда, в каком месте, в какое время и в каких ситуациях как себя следует преподнести? Не случайно простые люди интересуются, как и чем живут известные, «богатые и знаменитые», ведь именно они (элита общества) являются теми первыми презентаторами моделей, на которые впоследствии будут равняться и которые будут потреблять остальные, эпифаниями высших этических сущностей, их пророками. Люди

желают раскрытия тайн из истории их прошлого, желают знать, кто они и для чего живут - для того, чтобы им сказали, что сейчас они живут лучше всех, лучше, чем жили другие в другое время и в другом обществе; чтобы знать, какими им должно быть в сравнении с тем, какие они есть сейчас. Такая система полной видимости суть более совершенная, чем «тайные сотрудники», хотя бы потому, что не требует финансовых затрат на обеспечение соответствующих органов. Но всепрозрачность является не односторонней - она тотальна. В некотором смысле описываемая нами техника власти схожа с интерпретацией М. Фуко «Паноптикума» Бентама. «Он ставит вопрос видимости, но при этом думает о какой-то видимости, целиком устремленной вокруг одного господствующего и наблюдающего взгляда»⁶. Мы же находимся в той ситуации, где прозрачность, как техника контроля, охватывает весь мир: как тех, кто осуществляет власть, так и тех, над кем она осуществляется. Например, известная кинозвезда, презентуя модель «роковой блондинки», удостоивается всяческих лестных отзывов и похвал, но стоит ей отойти от удачно выбранного образа (просто вышла в магазин в домашних тапочках или всю ночь была на вечеринке), как ее тут же начинают критиковать и общественность становится ею недовольна, ведь она теряет свой образ, свою сакральность. Благодаря системе полной видимости люди не только не хотят совершить какой-либо неординарный поступок, но даже помыслить о нем. В этом смысле можно говорить о существовании трансформированных идей всепрощения и покаяния, направленных не на совершенствование человека и обеспечение ему счастливой жизни после смерти, а на минимизацию затрат на контроль за ним. Примером тому может служить развитие в современном обществе научных «домов признаний»: центры психологической помощи, психоаналитические офисы, «телефон доверия» и т. п., кото-

рые собирают благодаря нам и через нас информацию о нас самих. Но, наблюдая за собой, человек наблюдает против себя. С одной стороны, полученные сведения служат неким практическим подтверждением фундаментальных положений самой науки (психологии или социологии). С другой стороны, через добровольно отданную информацию нас корректируют и, как следствие, контролируют, внушая необходимость (или неизбежность) повторной социализации ради общего блага.

Поэтому редкий человек мыслит свое существование в терминах подавления, и мало кто ощущает на себе воздействие вышеперечисленных властных технологий, что говорит о достаточно совершенной системе. Учитывая практически неизменяемое с течением времени количество зафиксированных в психологической и социологической литературе ситуаций несовпадения презентруемых моделей с моделями необходимыми (видов девиантного поведения, описанных в типологиях), можно предположить, что большинство людей вполне довольно окружающей действительностью и собой. Очевидно, что залог успеха любого режима - это качественные декорации: «Красота обрамления является первым условием счастливой жизни»⁷. Эволюция общества во многом зависит от эволюции техник власти. С этой точки зрения наше современное общество, общество массового потребления - практически совершенно, поскольку предлагаемые товары и услуги, модели и способы существования делают человека зависимым от них. Это означает, что наблюдение и контроль через потребление и обладание практически не будут ощущаться, что дает большие возможности для распространения целой сети импульсов власти по тонким и специфическим каналам. «Обществом потребления является то, где не только есть предметы и товары, которые желают купить, но где само потребление потреблено в форме мифа»⁸ и где это потребление - суть «виртуальная цело-

стность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связный дискурс ...есть деятельность систематического манипулирования знаками»⁹. Характерной особенностью нашего времени является трансформация общественных потребностей в индивидуальные. Образ жизни, презентруемый как некая идеальная модель, становится желаемым не только для определенного социального класса, для которого она (эта модель) создавалась, но и для любого человека независимо от того, может он себе это позволить или нет. Люди узнают себя в окружающих и используемых ими предметах, находят свою душу в своем автомобиле, стереосистеме, квартире с разными уровнями, кухонном оборудовании. Индивид и ранее был привязан к обществу, но теперь зависимость заключается в новых потребностях, производимых обществом. «Одежда, приборы, предметы туалета составляют, таким образом, последовательность предметов, которые вызывают у потребителя инерционное принуждение: он пойдет последовательно от предмета к предмету»¹⁰. Потребляются не только какие-то материальные вещи. Прежде всего это целые разнообразные образцы проживания жизни: модели поведения, статусы, мировоззрения, системы ценностей, идеологии, политические взгляды, культурные предпочтения. Современному человеку вовсе не обязательно переживать какие-либо кризисы личностного становления, ведь есть уже готовые модели существования. Это очень удобно еще и потому, что таких моделей можно поменять великое множество, не прилагая к этому практически никаких усилий, кроме материальных. Контроль и наблюдение друг за другом как покупателем - целая сеть властных механизмов. Предлагаемые модели творят социально аутентичных друг другу индивидов. Те же, в свою очередь, примиряются с прозрачностью ради получения удовольствия и исполнения желаний, соглашаясь с ценой, которую нужно заплатить. Контроль через

потребление, контроль над потреблением как контроль над индивидом, и наоборот. В связи с этим неподчинение системе кажется психологически и социально бессмысленным, и уж тем более в том случае, когда это грозит ощутимыми экономическими и политическими невыгодами и угрожает бесперебойной деятельностью целого.

Но невозможно демонстрировать себя во всех дискурсах одновременно, нереально ни на психологическом, ни на физическом, ни на экономическом уровнях воспроизвести себя во всех дискурсивных практиках. Такой случайный и ситуационно зафиксированный сторонними наблюдателями отход от общепринятых, но трудно уловимых в своем разнообразии правил игры воспринимается неоднозначно, поскольку «общество как система объективно заинтересовано в том, чтобы каждый человек выполнял общественно значимые функции, т. е. способствовал социальному прогрессу»¹². Люди, исключенные по разным причинам из непрерывного потока дискурсивных практик, коммуникаций, в данной конкретной ситуации выпадения перестают быть полностью прозрачными и понятными для успешно социализированного большинства. Они (выпадающие из стандартного дискурса) определяются в гуманитарном знании как девиантные, поскольку их поведение не соответствует общепринятым стандартам. В гуманитарных науках для их анализа создаются типологии так называемого девиантного, или отклоняющегося, поведения, которое «можно определить как несоответствие данной совокупности норм, которая принята значительным числом людей в группе или обществе»¹². Создание типологий, а не классификаций в психологии и социологии не случайно. Ведь если разрабатывать классификацию, то необходимо рассматривать каждый отдельный случай и каждого конкретного человека в отдельности, анализировать ряд причин, приведших его к такому положению. Но это работа трудоемкая, экономически и поли-

тически невыгодная. Поэтому такие типологии, оценивающие поведение людей не через упорядоченную четко разграниченную классификацию, в которой один вид поведения отличался бы от другого, строятся по принципу смешивания определений. Это позволяет настроить такой калейдоскоп на описание единичных случаев при помощи научной терминологии. Сама техника описания предлагаемых теоретиками типов отклоняющегося поведения такова. На первый взгляд кажется, что рассматривается группа людей, объединенных теоретиком по единому признаку (например, сексуальная направленность на объект своего пола), но на самом деле обобщаются следствия без выявления конкретных случайных причин, приведших каждого конкретного человека к той или иной «девиантной» ситуации. Естественно, возникают вопросы, связанные с обоснованностью включения критериев в типологии отклоняющегося поведения. Такой всеобщей и все объясняющей причиной становится понятие «адаптация». Это первоочередной признак, выступающий как первопричина отклонения и в психологии, и в социологии: «Адаптация не случайно определяется включением личности в социальную среду... Отрешенность от общества, социальная дезадаптация приводят к духовной гибели человека»¹³. Иными словами, человек, гармонично вписывающийся в окружающую действительность, произвольно воспроизводя интериоризированные социальные экспектации, является адаптированным. Соответственно, индивид, сознательно/несознательно исключаящий себя из тех или иных институтов, отказывающийся или не могущий в силу тех или иных причин потреблять стереотипы и шаблоны поведения (хотя бы просто потому, что они его не устраивают), считается неадаптивным: «Болен тот, кто не может ни работать, ни заниматься любовью»¹⁴. То есть к какому бы типу ни относилось рассматриваемое теоретиками поведение, в основе своей все

они изначально дезадаптивны. В. Н. Кудрявцев в своей книге «Социальные отклонения» пишет, что люди, не приспособленные к общественной жизни, страдают таким, по его словам, заболеванием, как «моралепатия», определяемая как внешнее проявление девиантного поведения. Моралепатия - суть «различные виды моральной дезадаптации личности, не имеющие грубой патологической формы и не требующие медицинского, психиатрического вмешательства, но приводящие подчас к нарушениям социальных норм и отклонениям в поведении»⁵. Поскольку любой человек может оказаться в том положении, когда презентация его системы ценностей и убеждений будет несоответствовать той ситуации, в которой он находится, становится понятно, что любой индивид автоматически подпадает под вышеозначенную категорию и может быть наделен столь нелестным эпитетом, а значит, подлежит лечению и коррекции.

Этот пример не является исключением из правил. Анализируемые типологии сочетают внутри себя самые разнообразные ситуации, благодаря чему создается впечатление, что в них описаны все возможные виды отклонений, но которые при этом могут встретиться у любого человека. Рассмотрим, к примеру, типологию девиантного поведения Е. В. Змановской, описанную в книге «Девиантология (или психология отклоняющегося поведения)». В рамках этой типологии она выделяет три группы: делинквентное или противоправное поведение; асоциальное поведение; аутодеструктивное поведение. Социально опасное поведение - «поведение, противоречащее правовым нормам, угрожающее социальному порядку и благополучию окружающих людей»¹⁶. Опять же, каждый единичный случай имеет в основе своей конкретные причины. Разве можно поставить в один ряд разбивание оконного стекла в школе и изнасилование одноклассницы (при условии что мы берем одну возрастную группу)?

Важным нам представляется вот какой аспект: насколько оправдано включение противоправного поведения в девиантное. Судя по последним данным, многие преступники (особенно несовершеннолетние) вполне адаптивны и, что главное, признаются судебно-психиатрической экспертизой вменяемыми, а значит, они не могут быть девиантными психологически. Только анализ каждого конкретного случая может показать нам эту связь внутриличностных и внешних (проявляющихся в поведении) отклонений, если таковая есть. Просто преступление - это единственный критерий (по сравнению с остальными) определения «ненормальности», являющийся очевидным для каждого человека. Вторая группа - «асоциальное поведение» как поведение, «уклоняющееся от морально-нравственных норм»¹⁷. Но человек не может уклониться от всех норм своего социального окружения, несоблюдение им определенных правил может носить лишь частичный, а зачастую временный и случайный характер. Существуют лишь единичные несовпадения воспроизводимых и демонстрируемых дискурсов в той или иной ситуации. Рассмотрим примеры, предлагаемые в качестве характеристики данной группы: агрессия, «сексуальные девиации» (промискуитет, проституция, соращение, вуайеризм, эксгибиционизм и т. п.), игры на деньги, бродяжничество и иждивенчество. Они довольно разнообразны и сами по себе никак между собой не связаны, кроме как общего определения, что фактически уравнивает их друг с другом. В третью группу - аутодеструктивное поведение - вошли суицидальные тенденции, зависимость от психоактивных веществ, аутичное поведение и экстремальное, рискованное поведение. Очевидно, что виды отклонений в этой группе заимствованы из психиатрии. Это показательный пример обмена накопленной годами информацией о человеке между различными научными знаниями, которые, несмотря на такую систему поддерживания,

остаются вполне суверенными. К вышеописанным видам отклонений можно добавить типы, выделяемые Ю. А. Клейбергом: алкоголизм, наркомания, гомосексуализм и творчество. В данных типологиях мы наблюдаем результат некоего синтезирования и взаимного заимствования нескольких научных дискурсов: медицины, психиатрии, социологии и психологии. Это взаимопроникновение различных институтов по единому поводу (девиантность) лишь подтверждает представление о власти, стремящейся к абсолютной прозрачности. Только нечеткая конструкция может схватить разнобразное. Сделать вывод о том, нормален или нет каждый конкретный человек, можно только через непосредственный анализ его самого. Но реально получается, что любой индивид, попав в ситуацию несовпадения демонстрируемой модели с моделью, соответствующей этой ситуации (что и происходит), и оказавшись под пристальным взглядом наблюдателей, может считаться девиантным. Складывается впечатление, что теоретики это знают и сознательно используют в своих типологиях столь дисперсные критерии.

Таким образом, в современном обществе тотальность и всепрозрачность техник власти является необходимым условием ее (власти) эффективности. В связи с этим «приручение» (и, как следствие, контроль и корректировка) индивида к обществу через внедрение на глубоко бессознательном уровне стремлений к безграничному потреблению моделей существования является одной из наиболее эффективных ее техник. Но, как уже отмечалось выше, человек органически не способен воспроизводить все модели описания и поведения. Так, в той или иной ситуации происходит несоответствие репрезентируемого поведения к необходимому, должному и желаемому. Современное общество массового потребления устраивает обе стороны: тех, кто через потребление контролируется, и тех, кто этот контроль осуществляет. Поэтому та-

кие случайные выпадения из стандартных дискурсов не могут оставаться незамеченными, поскольку нарушают уже сложившиеся и ставшие привычными представления об окружающем миропорядке, угрожая душевному спокойствию большинства людей. А также могут трансформироваться в непосредственную угрозу доминирующей идеологии и культуры. Несоответствия того, как должно себя преподносить в каждой конкретной ситуации, и того, как сам человек себя демонстрирует, служат «тревожным сигналом», требующим незамедлительного реагирования. Так, зафиксированные случаи «отклонений» объединяются психологами, социологами, социальными работниками (т. е. агентами власти) в той или иной типологии девиантного поведения без учета и анализа индивидуальных причин и особенностей конкретного человека, которому приписывают статус «девиантного». Не случайно в таких типологиях проводится связь между внешними и внутренними признаками «ненормальности». Растиражированные в массы критерии выявления и оценки «девиантов» служат определенной цели. В условиях тотальной прозрачности сила так называемого общественного мнения, особенно осуждения и помощи, велика. В некоторых случаях общественного порицания достаточно, чтобы принудить индивида соответствовать общепринятым стандартам, т. е. это техника анализа, контроля и корректировки жизни и личности человека, не требующая демонстрационного вмешательства властных институтов.

Исходя из всего вышеперечисленного, становится ясно, что современные техники наблюдения, анализа, контроля, управления и коррекции за и над индивидом как потребителем и обладателем множеств моделей презентации и интерпретации себя весьма эффективны. Доказательством тому служат типологии девиантного поведения, схватывающие редкие и единичные случаи выпадения человека из традиционных дискурсов коммуникаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть. М.: Практика, 2002. Ч. 1. С. 238.
- ² Там же. С. 183.
- ³ Там же. С. 228.
- ⁴ Фуко М. Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973-1974 учебном году. СПб.: Наука, 2007. С. 14.
- ⁵ Роб-Грийе А. Проект революции в Нью-Йорке. М.: Ad Marginem, 1996. С. 195.
- ⁶ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 229.
- ⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. С. 10.
- ⁸ Там же. С. 3.
- ⁹ Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. С. 164.
- ¹⁰ Там же. С. 8.
- ¹¹ Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения. М.: ИНФРА, 1998. С. 58.
- ¹² Гидденс Э. Социология: Учеб. пособие. 2-е изд., полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 179.
- ¹³ Социальная психология / Под ред. А. В. Петровского. М.: Просвещение, 1987. С. 220.
- ¹⁴ Фуко М. Интеллектуалы и власть. С. 187.
- ¹⁵ Социальные отклонения / Под ред. В. Н. Кудрявцева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. лит., 1989. С. 16.
- ¹⁶ Змановская Е. В. Девиантология (или психология отклоняющегося поведения). М.: Академия, 2003. С. 33.
- ¹⁷ Там же. С. 34.